

УДК 94(430) «1913/1931»

В. И. Кабанов

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДЛЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ГЕРМАНИИ

Проаналізовано наслідки військових дій і Версальського договору на стан вугільної промисловості Німеччини. Головну увагу приділено економічному розвитку Рурського басейну: обсягам добування вугілля, продуктивності праці, цінній і тарифній політиці.

Ключові слова: вугільна промисловість, Німеччина, Рурський басейн, криза, репарації, заробітна плата, безробіття.

Анализируется последствия военных действий и Версальского договора на состояние угольной промышленности Германии. Главное внимание уделяется экономическому развитию Рурского бассейна: объёмам добычи угля, производительности труда, ценовой и тарифной политике.

Ключевые слова: угольная промышленность, Германия, Рурский бассейн, кризис, репарации, заработная плата, безработица.

Analysiert werden die Folgen der Kriegshandlung und des Versailler Vertrags für die deutsche Kohleindustrie. Das Hauptaugenmerk des Verfassers gilt der wirtschaftlichen Entwicklung des Ruhrgebiets: Umfang der Kohleförderung, Arbeitsproduktivität, Preis- und Tarifpolitik.

Schlagwörter: Kohleindustrie, Deutschland, Ruhrgebiet, Krise, Reparationen, Lohn, Arbeitslosigkeit.

The author of this article does the comparative analysis of developing and condition of German coal industry on the eve of the World War I and in the first decade after its ending. The basis for the assessment of the pre-war level of the coal industry were indices of 1913 year as the last full year of peaceful condition of economy.

For researching the following indices of level of German coal industry developing the author of this article used the statistical report of economic Committee of League of Nations that was published in a number of editions of «Mining journal» for 1931 year.

Regionally the author studied two main coalfields of German – Ruhr (including the adjacent to it Saar coalfield) and Silesian one too.

Main indicators for analytics were: comparison of production volumes of coal, labor productivity increasing, impact of price and tariff policy. In last case were considered not only fluctuations in the internal market of coal sales, but also

the impact of international factors, including competition with coal producers from England and France.

The author gives considerable importance to technical retooling of coal enterprises in German and possibility of using this experience in Soviet Union, more specifically – in Donetsk coalfield. For USSR factor of international market fluctuations didn't play a significant role, therefore engineering and technical aspects of German experience had priority over commercial and institutional aspects. The author of this article also considers some of the social aspects – increasing of unemployment and emigration of miners.

Keywords: coal industry, German, Ruhr coalfield, crisis, reparations, unemployment, salary.

К началу Первой мировой войны четко определилась тройка ведущих стран с наиболее высокими темпами экономического прироста – США, Германия, Великобритания. Однако разрыв между ними был не особенно ощутим: утратившая мировое промышленное лидерство Великобритания еще не очень отстала от новых лидеров. И хотя общие темпы экономического прироста США были несколько выше, чем в Германии, в целом ряде отраслей, например машиностроении, первенство принадлежало немецким компаниям. Не исключено, что эта экономическая ситуация породила иллюзию у германского руководства о возможности победоносной войны с блоком Антанты и привела к трагическим событиям августа 1914 г.

Избирая тему предлагаемой статьи, автор руководствовался следующими соображениями. Основой энергетики на рубеже XIX – XX вв. оставалась каменноугольная промышленность. С середины XIX в. уголь практически повсеместно вытеснил дрова как основной энергоноситель. Он становился незаменимым на железнодорожном и водном транспорте. Нарождающаяся электроэнергетика так же базировалась на угле, военные флоты – гордость сверхдержав того времени целиком зависели от угля.

Добыча угля до войны непрерывно росла. С 1886 по 1913 гг. мировое потребление угля увеличилось, в среднем, на 4 % в год. В течение этих 28 лет добыча угля в США увеличилась в пять раз, в Германии – более чем в три раза и в Англии – на 80 %. Перед войной потребление тех стран, которые не имели достаточно угля и вынуждены были импортировать его, покрывалась Германией, Великобританией и США. Из общего экспорта угля доля Англии составляла приблизительно 2/3 [10, с. 1416]. Рурский бассейн Германии, расположенный между двумя притоками Рейна – Руром и Липпе и занимающий площадь около 5 тыс. кв. километров в 1913 г., то есть в по-

следнем году перед войной, дал 114, 5 млн т. угля или 60 % всей добычи Германии [4, с. 3].

В целом, в 1913 г. в Европе было добыто 605 млн т угля. Из этого количества, примерно, 1/3 поступила на международный рынок. Во время войны международная торговля углем прекратилась. Страны, зависящие от привозного угля, вынуждены были осуществлять свою собственную добычу или изыскать другие источники топлива и энергии. В результате сложившейся в послевоенное время ситуации, цены на уголь в 1919 и 1920 гг. достигли небывалой высоты. В тоже время в 1920-е гг. был достигнут большой прогресс в области научно обоснованных методов рационального сжигания топлива, в использовании для электрификации водной энергии и низших сортов угля, например, лигнита и других. Погоня за экономией в расходовании топлива и поиски других источников топлива привели к широкому использованию на транспорте двигателей внутреннего сгорания [11, с. 1416].

Вместе с тем изучение послевоенной экономики Германии как в СССР, так и в современных России и Украине происходило неравномерно и явно не достаточно. Наибольший интерес к этому вопросу в советской науке приходился в 1920-е гг. Это диктовалось не только сходством экономической ситуации после неудачных для обеих стран результатов мировой войны, но и проведением в ходе первой пятилетки индустриализации в СССР. Большинство работ этого периода были посвящены рассмотрению вопросов внешнеполитического, дипломатического сотрудничества Германии и СССР, взаимодействию партий, профсоюзному движению, ряду внутривнутриполитических аспектов. Собственно экономических вопросов касались лишь немногие авторы, например, Н. Майский [7], Г. Слуцкий [11; 12], Л. Полонская [9], Ю. Лурье [6], а также документальное издание плана Ч. Дауэса [8]. С приходом к власти в Германии нацистов исследование экономической истории Веймарской республики фактически прекратилось. Относительная активизация экономической тематики в отечественных исторических исследованиях началась с конца 1950-х гг. и продолжалась до начала 1970-х гг. Однако в этих исследованиях авторы сосредотачивали свое внимание преимущественно на событиях Рапальской конференции. Среди них заслуживают внимания исследования И. М. Файнгара [14], С. В. Сухорукова [13], А. И. Иоффе [3], А. М. Рудченко [10]. Однако они касались либо экономики Германии в целом, либо советско-германских экономических связей, не углубляясь в отраслевую специфику. Подобные же

тенденции характерны и для публикаций в научных журналах СССР в конце 1970-х – 1980-х гг. Здесь следует указать на статьи В. Д. Кульбакина [5] и А. А. Ахтамзяна [1].

После распада СССР в современной России ощущается утрата исследовательского интереса к экономической истории Германии после окончания Первой мировой войны. Хотя в этом направлении работали авторитетные ученые – М. И. Орлов, М. Е. Ерин, С. В. Кретинин – их работы фактически лишь углубляли и детализировали исследования так называемого «рапалльского периода». Удалось выявить лишь одну специальную работу, посвященную послевоенной экономике Германии, – статью В. Л. Черноперова [15] В украинской историографии вопросы, затрагиваемые автором предлагаемой статьи, рассмотрены лишь в работе каменец-подольского исследователя В. П. Газина [2].

Таким образом, историография данной проблемы свидетельствует о недостаточной изученности экономической истории Веймарской Германии как в целом, так и в отдельных отраслях. Освещая проблему влияния на развитие каменноугольной промышленности Германии результатов Первой мировой войны, автор обратился к материалам «Горного журнала» за 1929–1932 гг., а также отдельным статьям журнала «Уголь и железо», используя как источник статистику, приводимую в этих изданиях. Исходя из изученных источников, автор видит предметом своего исследования влияние экономического спада в Германии после поражения в Первой мировой войне на налаживание экономического сотрудничества между СССР и Германией в послерапалльский период. Основой будущего индустриального рывка СССР должна была стать глубокая модернизация топливно-энергетического комплекса СССР на базе привлечения передовых технологий западных стран и прежде всего Германии. Об этом в конце 1920 г. говорил еще В. И. Ленин. Каменноугольная промышленность оставалась стержнем такой модернизации. Считалось, что в Германии была достигнута экономия в 10 % при сжигании топлива, благодаря усовершенствованным котлам, топкам и т. д. Таким образом, с развитием техники и технологии стало возможным сокращение потребления угля [11, с. 1417].

Характерно констатирование экономическим комитетом Лиги наций того факта, что падение цены на уголь в очень слабой степени повлияло на рост его потребления. Комитет приводил данные за 1923–1928 гг. и 1924–1928 гг. Они показывали наличие противоречий между сильными колебаниями цен и незначительным изменением добычи [11, с. 1417].

Высокие цены на уголь в 1923 и в 1926 гг. были вызваны падением из общемировой добычи рурского и английского угля. Так, Германия добыла в 1922 г. 160 млн т угля и лигнита (лигнит пересчитан в уголь в пропорции 9 т лигнита равны 2 т угля), а в 1923 г. только 88,5 млн т. Английская добыча составляла в 1925 г. 247 млн т, а в 1926 г. она опустилась до 128 млн т. Таким образом, добыча в Англии упала на 119 млн т в 1926 г. Между тем мировая добыча сократилась в том же 1926 г. только на 2,3 млн т [11, с. 1418].

Германия, чтобы восполнить добычу угля, которой она лишилась, благодаря утрате, в результате Версальского договора, Верхней Силезии, Саарского бассейна и Эльзас-Лотарингии, удвоила добычу бурого угля и увеличила добычу каменного угля только в немецкой Верхней Силезии на 8 млн т по сравнению с довоенной. Добыча угля приняла совершенно новый характер. В Рурском бассейне 1913 г. механическим способом добывалось только 2 % угля, а в 1927 г. 83 % [11, с. 1418].

Многие государства ввели специальные пошлины на уголь, чтобы защитить свою угольную промышленность. Вводились прямые и косвенные субсидии и временные запреты ввоза угля из других государств или вводились специальные лицензии на импорт угля, кроме того для развития и экспорта в угольной промышленности устанавливались специальные покровительственные железнодорожные тарифы. Облегченные тарифы ввела Германия и большинство европейских стран. Такие тарифы устанавливались для облегчения вывоза [11, с. 1419].

В 1927 г. добыча в Рурском бассейне достигала рекордной цифры в 118 млн т и превысила довоенную добычу на 3,5 млн т или на 3,02 %. В 1928 г. добыча опустилась до 114,6 млн т, что составляло уменьшение на 3,4 млн т или 2,9 %. Таким образом, добыча была все же еще немного выше, чем в 1913 г. Производство кокса продолжало увеличиваться и в 1928 г., хотя и не таким темпом как в 1927 г., когда было добыто 28,6 млн т, что превышало производство 1913 г. на 3,3 млн т или 13,10 %. Производство брикетов продолжало сокращаться и в 1928 г. – на 1,6 млн т или на 32,13% менее, чем в 1913 г. [12, с. 1433].

Подъем, который, начался в Рурском бассейне в 1926 г., благодаря забастовке английских горнорабочих, удержался и в 1927 г. Казалось, что он будет продолжаться и в 1928 г. Ухудшение промышленной конъюнктуры внутри Германии, забастовка рейнских водников в мае – июне и локаут в металлургической промышленности в ноябре

1928 г. оказали влияние на дальнейшее развитие горной промышленности [12, с. 1433].

Число рабочих, занятых в рурской горной промышленности, постоянно увеличивалось в первые годы после окончания войны. В феврале 1923 г. оно составляло 564 061 чел. Однако в результате увеличения рабочего времени, рационализации и механизации, число работающих значительно сократилось, и в мае 1926 г. составляло 365 234 чел. Таким образом, за три с небольшим года число работающих сократилось на 190 827 чел. В мае 1926 г. в рурской горной промышленности было занято на 14,27 % меньше рабочих, чем в 1913 г. Оживление, начавшееся вследствие стачки английских горняков, вызвало новое увеличение числа работающих, достигшее наивысшей точки в феврале 1927 г., когда было занято 418 506 рабочих. С падением производства число рабочих сократилось в декабре 1928 г. до 360 247 чел. [12, с. 1434].

Наивысшая производительность труда горняков была достигнута в декабре 1928 г. Тогда она превышала довоенную производительность труда на 29,59 %. Средняя годовая производительность труда составляла 126,30 % по сравнению с показателями 1913 г. Добыча угля на одного шахтера также постоянно увеличивалась. Данные важнейших горных районов Германии показывают, что Рурский бассейн давал самый большой рост производительности труда [12, с. 1438]. Тяжелые условия труда часто приводили к трагическим случаям. По официальным статистическим данным количество горняков, погибших от несчастных случаев в Рурской области, в послевоенное время составило 10 тыс. чел. За тот же период времени число раненых достигло 700 тыс. чел. [19, с. 59].

Число безработных, которое до мая 1928 г. уменьшалось, с мая этого года начало снова увеличиваться. Так, число безработных в апреле было 5 327, а в декабре 1928 г. достигло 16 741. Для некоторых спасением была трудовая эмиграция в Советский Союз. Так в Донбасс направились свыше 476 рурских горнорабочих. Многие из них приехали с семьями. На вокзале немецким рабочим была устроена братская встреча. На митинге, посвященном их приезду, отмечалось в советской печати, рурские горняки дали торжественное обещание ударно работать в социалистической каменноугольной промышленности страны Советов [23, с. 60].

Вывоз угля за пределы Рура в 1928 г. был меньше, чем в 1927 г. [12, с. 1441] из-за конкуренции английского, а так же голландского угля. В то время как рурская горная промышленность вывезла

в 1926 г. 40,8 % своей добычи, в 1927 г. доля вывоза уменьшилась до 28,7 %. Верхняя Силезия сумела увеличить свой вывоз с 6,1 % добычи в 1927 г. до 7,1 % в 1928 г. Нижняя Силезия в соответствующие годы увеличила свой вывоз с 10,2 до 10,8 % [12, с. 1447].

В среднем за 1927 и 1928 гг. вся европейская угольная добыча достигала в общем 600 млн т, причем на долю Германии приходилось 30 %, а на долю Англии – 50 %. В борьбе за рынки сбыта каменно-го угля наиболее спорными являлись рынки Франции, Италии и самой Германии, вернее так называемых «спорных» ее областей. Как в Италии, так и в самой Германии произошел сдвиг – поставки английского угля по сравнению с довоенным временем значительно уменьшились, особенно в Германии. Ей удалось вытеснить английский уголь со своего внутреннего рынка путем снижения цен в ущерб себе, но за счет потребителей «спорных» областей [18, с. 2360, 2361].

Общий вывоз (кокс и брикеты) из Рура уменьшился в 1928 г., по сравнению с 1927 г., на 1,74 % – с 29,28 млн т до 28,77 млн т. Вывоз в 1928 г., включая репарационные поставки, составлял в 1928 г. 30,05 млн. т и уменьшился на 10,78 %. Это означало уменьшение так же и обязательных репарационных поставок, которые сократились на 70,96 % [12, с. 1447]. Процент вывоза по отдельным странам изменился незначительно. Наибольшее увеличение вывоза приходится на Италию, доля которой в немецком вывозе увеличилась с 5,4 % 1927 г. до 16,22 % 1928 г. Но это увеличение было чисто формальное, так как по существу оно зависело от того, что репарационные поставки заменились свободной поставкой [12, с. 447].

Цены на уголь с октября 1924 г. остались почти без изменений. Многократные предложения Рейнско-Вестфальского угольного синдиката об увеличении цен отвергались имперским министром народного хозяйства. Оно обосновало свой отказ тем, что это повышение вызовет общее повышение цен. Однако после повышения, по постановлению примирительной палаты, заработной платы в мае 1928 г., цены на уголь были повышены. Цена «жирного угля», которая может рассматриваться как основная цена, была увеличена на 2 марки или 13,45 %. По сравнению с 1913 г., когда цена составляла 12,54 марки (включая 4,5 % на торговые расходы, которые нужно прибавить для сравнения с послевоенными ценами), цена жирного угля увеличилась на 34,53 %. В тоже время цены же на средства существования увеличились, согласно общеимперскому индексу, к концу отчетного года на 52,07 % по сравнению с довоенным временем [12, с. 1451].

Эссенский союз горнопромышленников обратился к правительству с докладной запиской, подробно излагающей все те трудности, с которыми приходилось бороться Рурской каменноугольной промышленности, и в которой мрачными красками изображались открывающиеся перед этой отраслью перспективы, в связи с общим тяжелым положением области и непосильными налогами. Союз указывал, что легкую передышку 1926 г., произошедшую благодаря стачке английских углекопов, сменили новые осложнения, вызванные увеличением зарплаты в 1927 и 1928 гг. [16, с. 1511].

В течение мая 1929 г. экспорт рурского угля испытывал сильную конкуренцию со стороны английского угля. Вывоз угля из Рура значительно упал, тогда как ввоз английского угля в Роттердам сильно возрос. Большая часть прибывающего английского угля переправлялась вверх по Рейну для того, чтобы быть проданным в Эльзасе и Пфальце [16, с. 1511].

С 1 июля 1930 г. в Германии постановили снизить фрахтовые расходы при экспорте германского угля через сухопутную границу в бельгийские, германские и голландские морские гавани. Во избежание конкуренции между германскими районами, добывающими уголь, снижение фрахтовых ставок относилось только к его экспорту за рубеж и они являлись недействительными в случае экспорта угля в Германию через северные или остзейские гавани. Кроме того это снижение не относилось и к бункерному углю при перевозках его в германские морские гавани, так как для этого угля существовали особые пониженные ставки, предусматриваемые в береговых тарифах [21, с. 64].

Опубликованные годовые итоги работы Рурского угольного бассейна выявили картину тягчайшего кризиса, в котором пребывал энергетический центр германского хозяйства. Угольная добыча в Руре составила в 1930 г. 107 млн т против 123,6 млн т в 1929 г. (уменьшение на 13,4 %). Эти цифры не дают настоящей картины кризиса. Резкость падения производства отчетливо видна при сопоставлении данных о суточной добыче в 1929 и 1930 гг. С января по декабрь 1929 г. суточная добыча поднялась с 389 до 443 тыс. т. С этого времени она неуклонно падала, достигнув в декабре 1930 г. 345 тыс. т. И таким образом четвертого квартала 1930 г. сократилась по сравнению с прошлым годом на 21 %.

Еще резче сократилось производство кокса. В 1930 г. оно упало в суточном измерении на 31,8% [19, с. 60].

Показателем глубины кризиса являлся огромный рост запасов, несмотря на сильное падение производства. По данным «Deutsche

Bergwerkszeitung» запасы угля выросли за год (декабрь 1929 г. – декабрь 1930 г.) с 655 383 до 2 720 000 т, запасы кокса – с 813 016 до 4 475 000 т и запасы брикетов – с 55 005 до 96 000 т. [19, с. 60].

Сбыт угля Рейнско-вестфальского угольного синдиката в апреле 1930 г. сократился по сравнению с предыдущим месяцем на 23 %, а против того же месяца прошлого года на 20,08 %. Сбыт угля за счет синдиката равнялся 3,9 млн т. Весь сбыт кокса выразился в 738 тыс. т. Ежедневный сбыт при 14 605 т дает сокращение на 14,86 % против предыдущего месяца и на 28,37 % против апреля 1929 г. [21, с. 65].

Резко сократился и вывоз рурского угля. За 11 месяцев 1929 г. он составил 31,7 млн т, а за соответствующий период 1930 г. – 26,7 млн т. При учете растущей конкуренции иностранного, особенно английского угля, усиленно проникающего в последнее время на германский рынок, отмечалось в прессе, перспективы Рурского бассейна вырисовывались в очень мрачном свете. Обозреватели подчеркивали, что в виду спорных вопросов, возникших ещё на Гаагской конференции и связанных с репарационными поставками Германии, вопрос об угольном экспорте Германии и сопоставлении его с английским экспортом приобретает особенно актуальный интерес [17, с. 2153].

Не простым было положение и в других немецких угольных бассейнах. Добыча каменного угля в германской Верхней Силезии, его сбыт и количество груженых вагонов видны из следующих данных: добыча за апрель 1930 г. – 1 365 тыс. т, за май 1930 г. – 1 486 тыс. т. Потребление на самих копах: 62 200 т и 59 243 т. Сбыт внутри Верхней Силезии – 390 тыс. и 400 тыс. т, в остальную Германию 841 тыс. т и 904 тыс. т; за границу 73 тыс. т и 97 тыс. т. Весь сбыт: 1 312 тыс. т и 1 399 тыс. т. Перевозка по железной дороге : 1 099 тыс. т и 1 193 тыс. т. Перевозка водным путем 223 тыс.т и 251 тыс. т. Запасы угля к концу отчетного месяца 581 тыс. т и 608 тыс. т; запасы кокса 278 тыс. т и 303 тыс. т. Количество груженых вагонов: угля, кокса и брикетов (вагоны в 10 т) всего 127 тыс. т и 133 тыс. т. [21, с. 65].

Тяжелый кризис в угольной промышленности и рационализация, проводимая шахтовладельцами, выбросили на улицу сотни тысяч горняков. В Германии в течение 1930 г. лишились работы 150 тыс. углекопов, а в 1931 г. количество занятых рабочих снизилось более чем на 250 тыс. чел. [21, с. 62; 22, с. 60].

В такой сложной хозяйственной атмосфере протекала борьба рурских горняков с предпринимателями. По сообщению имперского министра труда возник конфликт между правительством и союзом шах-

товладельцев в связи с сокращением зарплаты в Рурской области. В его разрешение вынужден был вмешаться президент Германской республики П. Гинденбург, который 9 января 1931 г. издал постановление о назначении третейского судьи для примирения спорящих сторон. Третейским судьей был назначен профессор Бран. Постановление было действительно не только для конфликта в Рурской области, но и в других районах [19, с. 59, 60], чем не преминули воспользоваться в Верхней Силезии, снизив решением третейского судьи 15 января 1931 г. зарплату на 6 % [20, с. 61].

Оценивая результаты развития германской угольной промышленности в 1920-е гг., можно согласиться с оценками А. Ахтамзяна: «Для Советского Союза, решавшего проблемы индустриализации..., представляли интерес самые совершенные машины, передовой технологический опыт. Взамен он мог предложить преимущественно промышленное сырье и сельскохозяйственную продукцию, в которых нуждалась Германия» [1, с. 46].

Развитие экономического сотрудничества между Германией и Советским Союзом было достаточно перспективным, невзирая на экономический спад, наблюдавшийся в обеих странах после Первой мировой войны. Советский Союз и Германия на взаимовыгодной основе использовали различные формы сотрудничества. В СССР осуществлялась индустриализация, в т. ч. и за счет германских технологий в горной промышленности, так как Германия занимала в этой сфере одну из ведущих позиций, успешно конкурируя с другими европейскими странами, уступая лишь технологиям США, но при этом предлагая СССР выгодные финансовые условия, как, например, кредитное соглашение 1926 г. В то же время и Германия с помощью советского сырья и валюты решала проблему выплаты репараций после Первой мировой войны и поддержки своей промышленности в конкурентоспособном состоянии.

Библиографические ссылки

1. *Ахтамзян А. А.* Советско-германские экономические отношения 1922–1932 гг. / А. А. Ахтамзян // Новая и новейшая история. – 1988. – № 4. – С. 42–56.
2. *Газін В. П.* Економіка і зовнішня політика Веймарської республіки (1925–1933) / В. П. Газін. – Кам'янець-Подільський : Вид-во КПДП, 1999. – 151 с.
3. *Иоффе А. Е.* Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917 – 1932 / А. Е. Иоффе. – М. : Наука, 1975. – 429 с.
4. *Каменецкий М. Л.* Электрификация крупнейших угольных бассейнов Европы / М. Л. Каменецкий // Уголь и железо. –1928 . – № 29. – С. 3–18.

5. *Кульбакин В. Д.* Экономические связи с Советским Союзом и позиция общественных сил в Германии / В. Д. Кульбакин // *Вопросы истории.* – 1977 г. – № 5. – С. 63–76; № 6. – С. 59-80
6. *Лурье Ю.* Государственный капитализм военного времени в Германии (1914 – 1918) / Ю. Лурье. – М.; Л. : Госиздат, 1928. – 296 с.
7. *Майский И.* Современная Германия (экономика, политика, рабочее движение) / И. Майский. – М.; Л. : Красная новь, 1924. – 167 с.
8. *План Дауэса.* Финансовое восстановление Германии / ред. Н. Н. Любимов. – М. : Финансовое изд-во, 1925. – 268 с.
9. *Полонская Л.* Пути Германии. Экономические факторы и социальные силы. 1913–1923 / Л. Полонская. – М. : Госиздат, 1929. – 228 с.
10. *Рудченко А. М.* История становления и развития советско-германских экономических отношений. 1917–1925 : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук : спец. 07.00.02 «Отечественная история» / А. М. Рудченко – М. : МГИМО, 1972. – 28 с.
11. *Слуцкий Г.* Международные проблемы угольной промышленности / Г. Слуцкий // *Горный журнал.* – 1929. – № 8 – 9. – С. 1416– 1419.
12. *Слуцкий Г.* Рурский бассейн в 1928 г. и в первой половине 1929 г. / Г. Слуцкий // *Горный журнал.* – 1929. – № 8 – 9. – С. 1433– 1451.
13. *Сухоруков С. В.* Советско-германские отношения. 1917–1933 / С. В. Сухоруков / Ежегодник германской истории, 1971. – М. : Наука, 1973. – С. 397–420.
14. *Фаингар И. М.* Очерк развития германского монополистического капитала / И. М. Фаингар. – М. : Соцэкгиз, 1958. – 436 с.
15. *Черноперов В. Л.* Факторы социально-экономического развития Веймарской республики глазами советских специалистов / В. Л. Черноперов // *Россия и Германия в XX в. : сб. науч. тр. / отв. ред. : В. И. Логинова.* – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1999. – С. 80–106.
16. *Хроника горного дела. Иностранная* // *Горный журнал.* – 1929. – № 8 – 9. – С. 1511–1517.
17. *Хроника горного дела. Иностранная* // *Горный журнал.* – 1929. – № 11. – С. 2151–2157.
18. *Хроника горного дела. Иностранная* // *Горный журнал.* – 1929. – № 12. – С. 2360–2368.
19. *Хроника горного дела. Иностранная* // *Горный журнал.* – 1931. – № 6. – С. 57–65.
20. *Хроника горного дела. Иностранная* // *Горный журнал.* – 1931. – № 7. – С. 61–65.
21. *Хроника горного дела. Иностранная* // *Горный журнал.* – 1931. – № 2. – С. 63–68.
22. *Хроника горного дела. Иностранная* // *Горный журнал.* – 1932. – № 3. – С. 60–62.
23. *Хроника горного дела. Союзная* // *Горный журнал.* – 1931. – № 2. – С. 58–63.

Надійшла до редколегії 22.10.2014